

В.И. БЕЛЯЕВА

Независимый исследователь
E-mail: vibel@list.ru
ORCID: 0000-0002-2395-5729

ОЧАГИ И ОЧАЖНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПУШКАРИ I

АННОТАЦИЯ

На верхнепалеолитической стоянке Пушкари I исследованы три поселенческих комплекса с жилищами, рабочими площадками и очагами. Все 8 очагов стоянки Пушкари I относились к разным участкам культурного слоя, близким друг другу по расположению, геологическому возрасту и культуре. Сравнительный анализ очагов предполагал поиск способов их создания и использования. За основу исследования был взят простой признак расположения очагов на площадках трех поселений — вне жилищ и внутри их. В результате работы, выделены три группы очажных сооружений, использовавшихся по-разному. Важнейшей особенностью «внешних» очагов являлись многочисленные ямки и западины в их основании. Исследуя их форму, остатки костей в углистой

толще и этнографические примеры, мы пришли к выводу, что большие внешние очаги были местом постоянного приготовления пищи. Мясо могло жариться на вертикально вставленных в очаг костях. Очаги в некоторых случаях являлись и центрами рабочих площадок (раскоп V). Внутри жилищ они имели небольшие размеры и были окружены специально созданными человеком «рабочими» площадками. Эти очаги горели и обогревали жилища (раскопы II и V). Они могли нести и некоторые хозяйственные функции. Очаг внутри жилища (раскоп VII) нес все признаки внешнего, «кухонного» очага, но он имел вторичное, принесенное извне углистое наполнение. Такое очажное сооружение могло быть обогревательным и кухонным объектом в некоем жилище особого назначения.

Ключевые слова: верхний палеолит, Пушкари I, поселенческие структуры, очаги, очажные сооружения, зоны горения, заполнители очагов.

Для цитирования: Беляева В.И. Очаги и очажные сооружения верхнепалеолитической стоянки Пушкари I // *Camera praehistorica*. 2021. № 1 (6). С. 47–62. DOI: 10.31250/2658-3828-2021-1-47-62.

V.I. BELYAEVA

Independent researcher

E-mail: vibel@list.ru

ORCID: 0000-0002-2395-5729

HEARTHES AND HEARTH STRUCTURES OF THE PUSHKARI I UPPER PALEOLITHIC SETTLEMENT

ABSTRACT

At the Pushkari I Upper Paleolithic settlement three settlement complexes with dwellings, activity areas, and hearths have been excavated. All eight hearth of the Pushkari I site located in different parts of the cultural horizon are however territorially close to each other and identical as to their geological and cultural attribution. A comparative analysis of the hearths was aimed on reconstruction of ways of their construction and using. The study was based on a simple indication of the location of hearths found on three part of the settlement (Excavations II, V and VII) — outside and inside dwellings. As a result of the study, three groups of hearth structures, which were used in different ways, were identified. The most important feature of the “outdoor” hearths is numerous pits and depressions at their base. Investigating their

shape, carbonaceous bone remains, and ethnographic examples, we concluded that the large outdoor hearths were used as cooking areas. Meat could be fried on bones inserted vertically into the hearths. In some cases the hearths could be the centers of working activity areas (Excavation V). The hearths inside the dwellings were small in size and were surrounded by a number of specially working activity areas. These hearths were primarily used for dwelling heating (Excavations II and V). They could also carry some economic functions. The hearth inside the dwelling (Excavation VII) has all the characteristics of an external “kitchen” hearth, but also it had a secondary carbonaceous filling brought from outside. Such a hearth structure could be a heating and kitchen object in a special-purpose dwelling.

Key words: Upper Paleolithic, Pushkari I, settlement structures, hearths, hearth structures, combustion zones, hearth aggregates.

For citation: Belyaeva V.I. Hearths and hearth structures of the Pushkari I Upper Paleolithic settlement. *Camera praehistorica*, 2021, no. 1 (6), pp. 47–62. 10.31250/2658-3828-2021-1-47-62 (in Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы силами украинских и российских исследователей, волонтеров и студентов закончено полевое изучение участка стоянки Пушкари I в раскопе VII. Тем самым было завершено достаточно полное исследование всех трех поселенческих комплексов, известных на стоянке в настоящее время.

Стоянка Пушкари I находится за южной оконечностью одноименного села на правом, высо-

ком берегу Десны в Новгород-Северском районе Черниговской области Украины. Географо-геологическое положение стоянки, история и методика ее исследования изложены в монографиях и статьях М.Я. Рудинского [Рудинский 1947], П.И. Борисковского [Борисковский 1953], А.А. Величко [Величко 1961; Величко и др. 1997], В.И. Беляевой [Беляева 1997; 2002].

В раскопах стоянки (II, V, VII) на небольшой площади (60 × 70 м), были обнаружены и исследованы три поселенческие структуры сред-

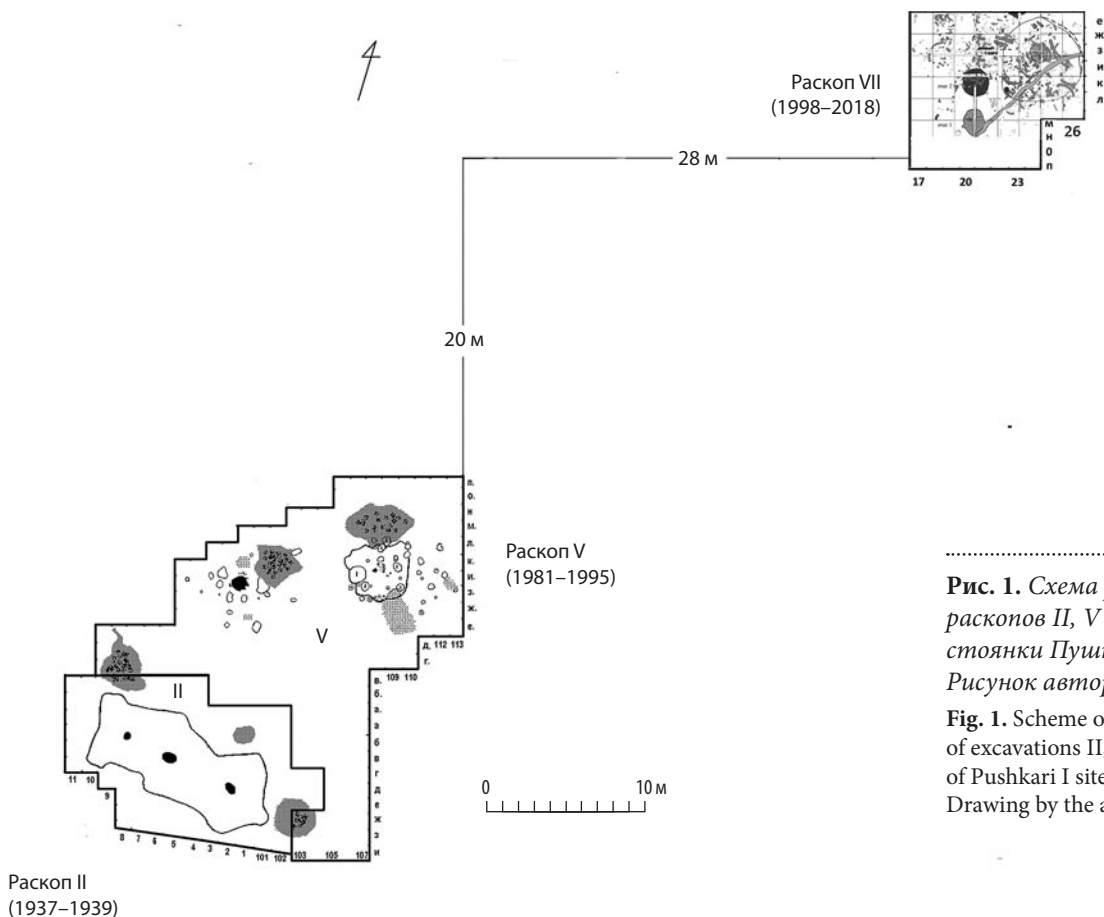

Рис. 1. Схема расположения раскопов II, V и VII стоянки Пушкари I. Рисунок автора

Fig. 1. Scheme of the location of excavations II, V and VII of Pushkari I site. Drawing by the author

ней поры верхнего палеолита (20–19 тыс. л. н.). Каждая из них имела жилое сооружение, очаги и «рабочие» площадки. Очаги оказались наиболее многочисленными и хорошо организованными объектами как в жилых сооружениях, так и на внешних территориях поселений. К тому же с ними были непосредственно связаны места «эвакуации» или «выброса» отработанного углистого материала и «рабочие» площадки, окружавшие область горения очагов, — ямки, западины, скопления кремня (рис. 1).

Можно надеяться, что изучение большого числа очагов из близких по времени поселенческих структур Пушкарей I дает возможность определить их общие черты, равно как и различия связанные, вероятно, с особенностями сезона обитания человека на стоянке или самой функцией очажного сооружения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На трех поселенческих участках было обнаружено 8 очагов: 5 внутренних — в жилищах, и 3 внешних — на площадках поселений. Кроме того, 4 внутренних и один внешний в раскопах II и V связаны с мощными скоплениями углистых «выбросов». Очаги были раскопаны в разное время и имеют, как нам представляется, разную степень информативности. Во время работ П.И. Борисковского почти не использовались профили, хотя сам исследователь указывал на невозможность оценки положения культурного слоя задним числом по нивелировочным отметкам [Борисковский 1953: 183]. Тем не менее очаги в трехчастном жилище имеют описательную, не всегда одинаковую оценку в публикациях и по-

левых дневниках [Борисковский 1938; 1939: 10; 1953: 184–185]. В этих разночтениях чувствуется требование того времени — копать фронтально, впрочем, как и неуверенность молодого исследователя в оценке сложного объекта. Однако даже в 1980–1990-е гг. мы не имели возможности делать хорошие фотоснимки профилей и ограничивались, по существу, чертежами, в которых, видимо, не доставало объективности.

Оценивая очажные объекты, мы исходили в первую очередь из наших собственных наблюдений во время работы на раскопах V и VII, где была возможность анализировать не только форму и размеры, но и разнообразие очажных заполнений. Приносим благодарность тем участникам экспедиции, кто расчищал и фиксировал очаги: В.Г. Моисееву, И.В. Паненковой, А. Весельскому, П. Васильеву, без тщательной творческой работы которых многое могло быть потеряно.

Обращаясь к очагам, мы в настоящий момент почти не затрагиваем их окружение. Нас интересует сам очаг и то близкое к нему пространство, которое мы называем «зоной горения». Это пространство составляет около 60 см ширины по периметру очага и будет рассматриваться нами в самом общем контексте жилой площадки. Зону присутствия человека, или «рабочую зону», мы оставляем за скобками. Сравнительное описание очажных сооружений начинаем с наиболее понятных и четких по форме «внешних» очагов V и VII раскопов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЯ

Исследовано 3 «внешних» очага — один в раскопе V, два других в раскопе VII. Все они так или иначе связаны общей площадкой поселений в западной или юго-западной их оконечности. Самое большое, трехочажное жилище, раскопанное П.И. Борисовским в 1937–1939 гг., не имело возле себя внешнего очага. За таковые исследователем были приняты три скопления очажной массы в полуметре от северной границы жилища [Борисковский 1953: 194]. Впослед-

ствии оказалось, что скопления угля, фрагментов жженных костей и кремня представляют собой лишь выбросы углистого материала, соответствующие положению внутренних очагов в жилище [Беляева 2002: 137]. Опираясь на результаты исследования раскопа V, мы полагаем, что внешний очаг длинного жилища мог находиться в 5–6 м от его западного торца. Работы тех лет требовали быстрого вскрытия площади самого жилища, этим обстоятельством объясняется и форма раскопа. До исследования аносовско-мезинских жилых сооружений задача вскрытия всей площади поселения не ставилась — из-за предполагаемых колоссальных его размеров.

«Внешние» очаги

«Внешний» очаг раскопа V (далее — без кавычек) находился в 5 м к западу от жилой западины (малого жилища) и составлял с ним единое жилое пространство [Беляева 2002: 114]. Слабые контуры очажного пятна проявились в самом верху слоя суглинка, на уровне верхнего горизонта расчистки жилой западины (рис. 2: а). Четких контуров еще не было, но не было и широкого пятна размыва. Чуть ниже, в суглинке, углистое пятно уже имело четкую форму правильного овала (рис. 2: б). Суглинистое начало играло главную роль в окрашенности пятна. Заполнитель содержал большое число нежженого, патинированного кремня, куски яркого охристого суглинка, фрагменты костной трухи без обжига. Особенностью верхнего горизонта заполнения были крупные костные угли, выделявшиеся черными пятнами на серой поверхности. Серый окрашенный суглинок опускался в очажное углубление на 3–4 см, где его сменила темно-серая, однообразная по цвету зольная масса толщиной 3–5 см. Размеры пятна составили 98 × 87 см. Зольный горизонт имел однородный состав, включающий немногочисленные угли, фрагменты кремня и охры. Количество жженого кремня увеличилось до 40 %. По краям углубления зольный слой не-

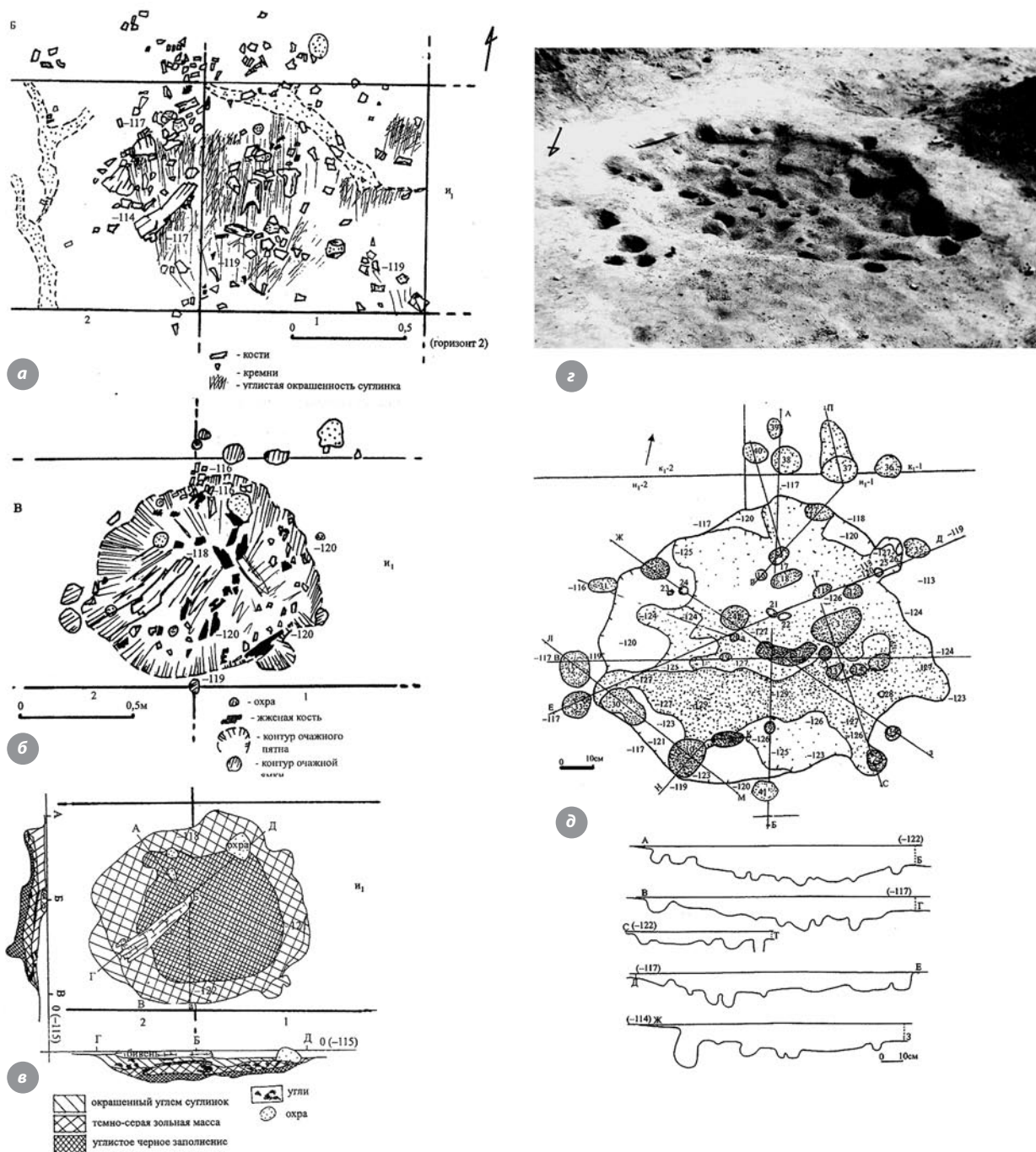

Рис. 2. Внешний очаг в раскопе V стоянки Пушкари I при расчистке: а — углистое пятно в верхнем горизонте культурного слоя; б — верх углистой линзы очага; в — профиль очажной линзы по горизонтам; г — фотография очага, вид с юга; д — чертёж дна очажной западины. Рисунок и фото автора

Fig. 2. Outdoor hearth in excavation V, Pushkari I: a — carbonaceous spot in the upper horizon of the cultural layer; б — top of the carbonaceous hearth lens; в — profile of the hearth lens along the horizons; г — photo of the hearth, view from the south; д — drawing of the bottom of the hearth depression. Drawing and photo by the author

много поднимался вверх, образуя блюдцеобразный рельеф западины. Изменялся и усложнялся контур западины за счет появления краевых ямок на кромке линзы и в 5–10 см от ее края. Черный углистый горизонт составил нижнее, придонное заполнение линзы толщиной 2–5 см (рис. 2: в). Хорошо пережженная масса костного угля заполняла все неровности дна западины, была однородной и почти не содержала охры и кремня со значительно обожженными единичными фрагментами.

В процессе расчистки оказалось, что вся внутренняя поверхность западины, дно и края были испещрены ямками и углублениями нечеткой формы (рис. 2: г) — всего 42 (29 внутри и 13 снаружи, у краев). Принципиальных различий между ними не было: неправильно-округлые и овальные, диаметром 2–16 см, глубиной 2–20 см (рис. 2: д). Форма ямок имела некоторые повторяющиеся особенности — овальный контур, наклонный профиль, придонное расширение. Углисто-зольное заполнение одинаково характерно для всех ямок, в нескольких из них находилось небольшое число мелких кремневых отщепов и чешуек.

Реконструируя процессы, связанные с заполнением очажной западины, мы можем сказать следующее:

- углубление представляет собой очаг, с обычным для такового слоистым углистым заполнением;
- контуры очага определяются зольным заполнением, суглинистая верхняя кромка свидетельствует о его оплывании внутрь при оставлении человеком стоянки;
- очаг не имел зольной шапки, его зольное заполнение ниже кромки западины;
- нет признаков размывания верхнего уровня очага;
- ямки и углубления не нарушают стратиграфическую последовательность заполнения очага, то есть являются его принадлежностью.

Последние, вероятно, могли быть следами очажной конструкции — например, вставленными в очаг костями с кусками мяса, которое

жарилось на огне. Подобные приспособления для вертикальной обжарки мяса, рожны, существовали у охотников Западной Сибири хантов в XX в. [Лукина 1985: 130]. Свидетелем такого приготовления мяса охотниками Западной Сибири был энтомолог А.С. Вобленко. Он рассказал мне о приеме использования костей в очаге во время посещения раскопа в 1994 г.

Внешние очаги раскопа VII находились в 0,7 м друг от друга за юго-западной границей жилой западины (рис. 1).

Очаг № 1 был перекрыт высокой шапкой золы, видимой уже при расчистке верхних супесчаных горизонтов культурного слоя. Углистая окрашенность распространялась к северо-востоку от него на 0,5–0,8 м (рис. 3: а), но при небольшой расчистке основная линза определилась ясно (рис. 3: б). Восточный край очага был слегка перерезан глубокой трещиной, пересекающей раскоп по диагонали. Северная оконечность практически не имела углубленного контура, сливалась с общей поверхностью культурного слоя, отличаясь при этом углистой окрашенностью (рис. 3: в, профиль). На дне западины не было ямок, но центральная ее часть поднималась отдельными буграми до верхнего уровня очага (рис. 4). Размеры очажной линзы составляют 98 × 110 см, толщина углисто-зольного заполнения — 19–20 см, глубина в центральной части — до 10 см; профиль — блюдцеобразный. Заполнитель очага хорошо определялся как при общей расчистке, так и по профилю бровки: верхний уровень составляла окрашенная супесь, под ней — светлый пепел, поднимающийся выпуклой шапкой кверху; ниже шел темный яркий углистый горизонт с отдельными прослойками светлого пепла. Северная оконечность бровки местами была занята черным тусклым заполнителем — сажей, толщиной 6–8 см. Поскольку сажа не образуется при открытом горении, то, следовательно, она осаждалась на перекрытых участках сооружения.

Очаг № 2 находился в 1 м к северу от очага № 1 по той же линии бровки север–юг (рис. 3: а, в). Поверхность очага № 2 была перекрыта фраг-

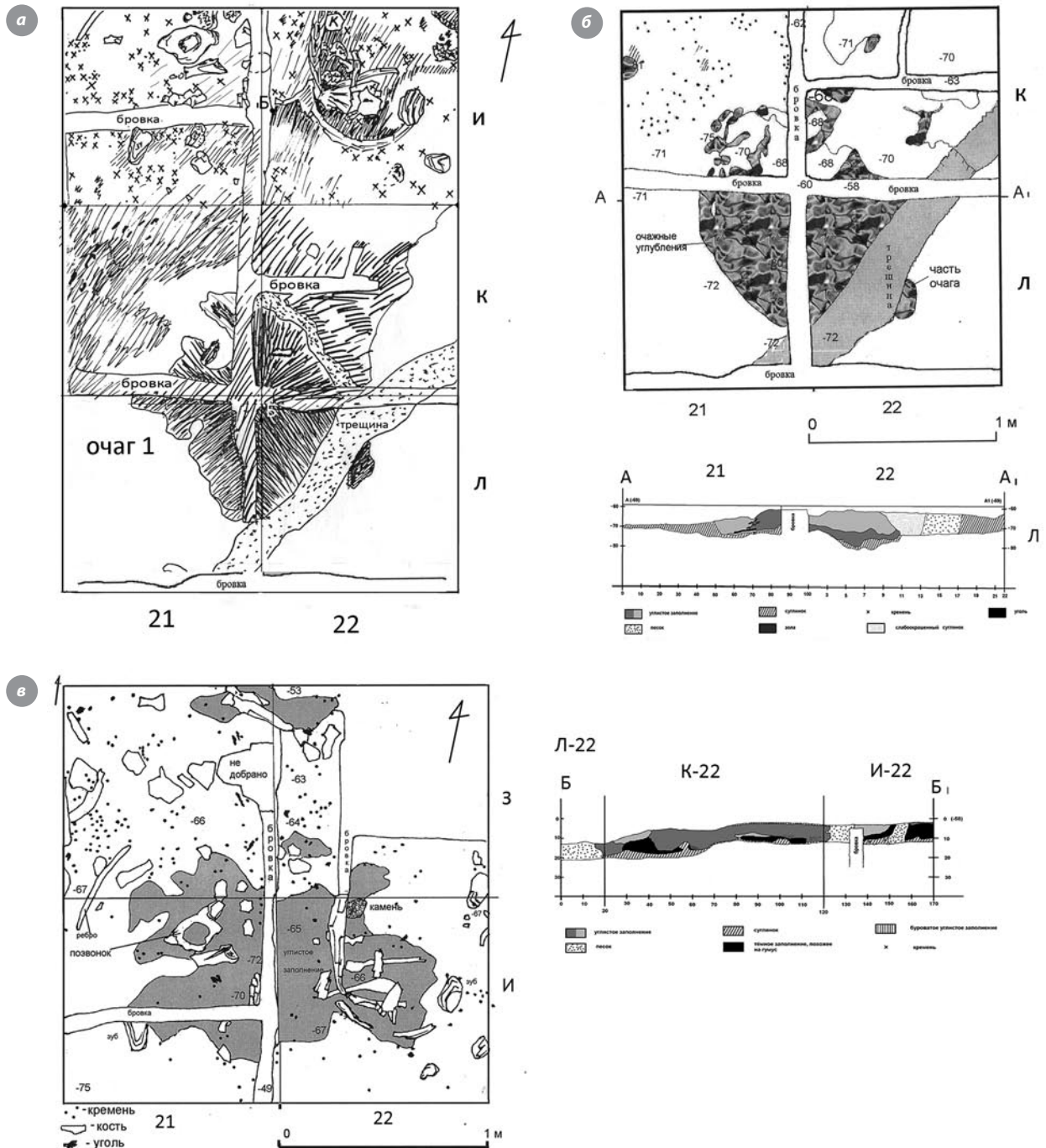

Рис. 3. Внешний очаг № 1 в раскопе VII стоянки Пушкари I при расчистке: а — углистое пятно очага в начале расчистки; б — чертёж очага и профиль его бровки восток-запад; в — углистое пятно в начале расчистки очага № 2 и профиль очажной бровки, соединяющей очаги. Рисунок из архива автора

Fig. 3. Outdoor hearth No. 1 in excavation VII during the excavations, Pushkari I site: а — carbonaceous spot of the hearth at the beginning of excavation; б — drawing of the hearth and its east-west profile; в — carbonaceous spot at the beginning of excavation of the hearth No. 2 and the profile of the hearth connecting the hearths. Drawing from the author's archive

Рис. 4. Дно очажной линзы очага № 1 в раскопе VII стоянки Пушкари I. Вид с востока. Фото автора

Fig. 4. The bottom of the hearth lens hearth No. 1 in excavation VII, Pushkari I. View from the east. Photo by the author

ментами крупных костей мамонта — атлантом, фрагментом берцовой кости и бивня (рис. 5: а). Кости, перекрывающие очажное пятно, не были смыты по склону или переотложены, это их намеренное положение, все они не имели следов обжига. После снятия костей очажное пятно

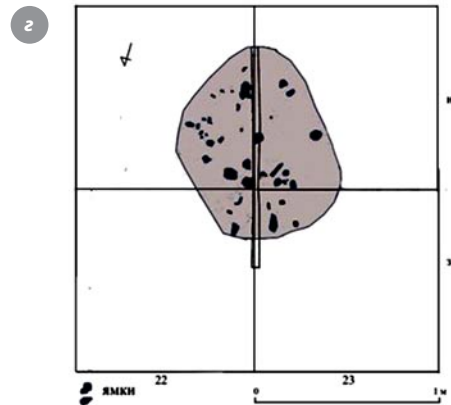
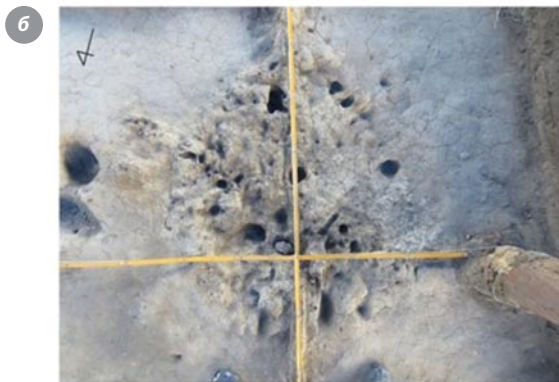

Рис. 5. Очаг № 2 в раскопе VII стоянки Пушкари I: а — пятно очажной линзы с перекрывающими его крупными костями мамонта; б — разборка углистого заполнения очага; в — дно очажной линзы (расчистка А. Весельского); г — чертеж дна очажной линзы (по чертежу А. Весельского). Рисунок и фото из архива автора

Fig. 5. The hearth No. 2 in excavation VII, Pushkari I: a — a spot of the hearth lens with overlapping large mammoth bones; б — disassembly of the carbonaceous filling of the hearth; в — the bottom of the hearth lens (clearing by A. Veselsky); г — drawing of the bottom of the hearth lens (according to A. Veselsky's drawing). Drawing and photo from the author's archive

стало очевидным, углистая линза имела четкий, геометрически правильный контур. Очаг оказался заполнен однородным углистым материалом, но содержал ряд суглинистых включений. Нечетко оформленные комкообразные образования темно-бурого цвета содержали не до конца перегоревшую костную труху (рис. 5: б), размеры очага — 108 × 88 см, глубина — 8–9 см. Блюдцеобразная внутренняя поверхность была

взрыта большим количеством ямок, повторяя тем самым внешний очаг раскопа V (рис. 5: в, г).

«Внутренние» очаги

«Внутренний» очаг (далее — без кавычек) раскопа V находился в центре небольшого овального жилища. Он был перекрыт группой сомкнутых крупных костей мамонта, толщина которой со-

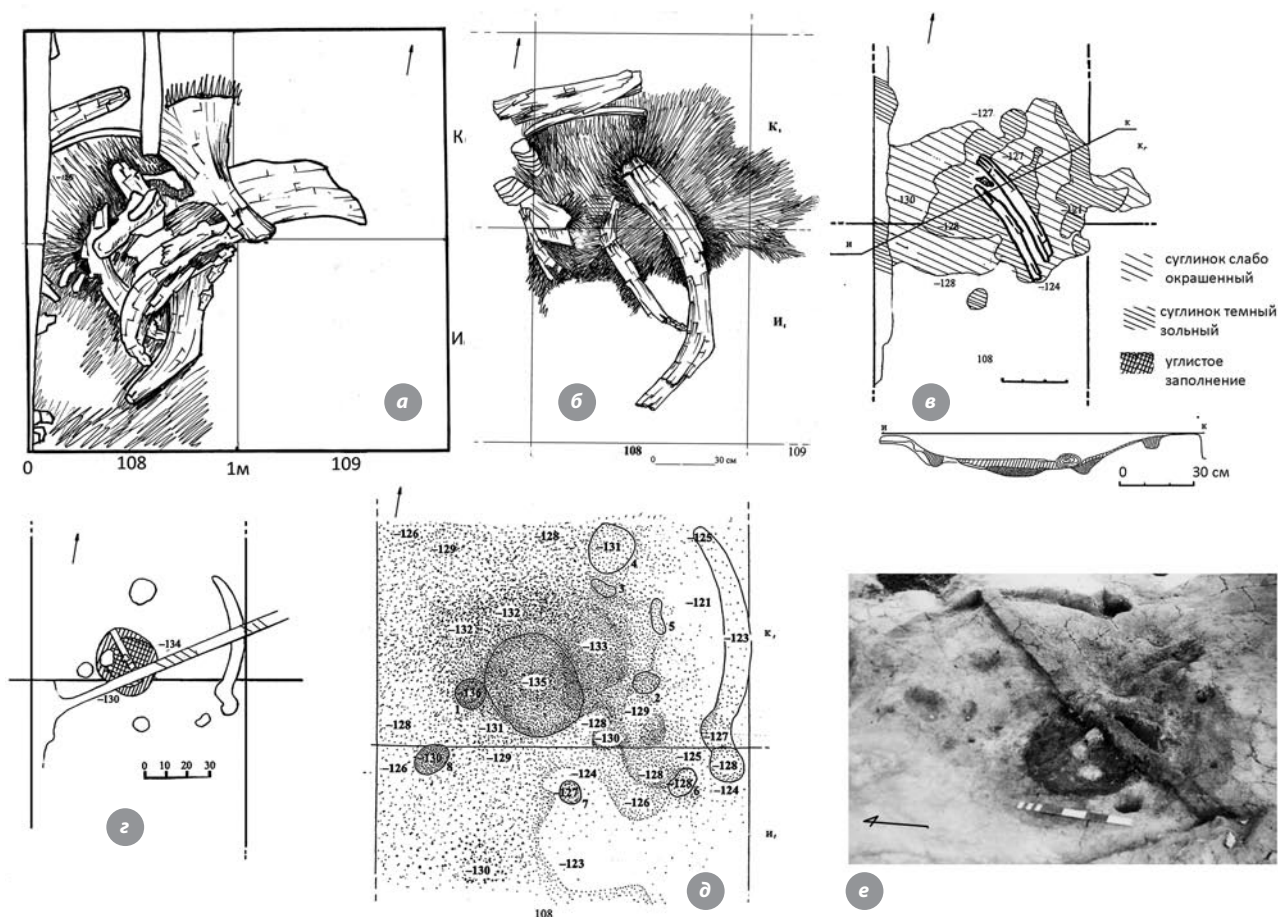

Рис. 6. Внутренний очаг в центре жилища в раскопе V стоянки Пушкари I: а — скопление костей в центре жилой западины над очажной линзой; б — нижний уровень разборки скопления костей над очагом; в — верхний уровень разборки углистого пятна над очагом; г — нижний уровень расчистки очажной линзы; д — очаг и окружающая его зона горения (массив точек — площадка углубления; контур справа — очаг и ямки с углистым заполнением); е — фотография очага и зоны его горения. Рисунки и фото из архива автора

Fig. 6. Indoor hearth in the center of the dwelling in excavation V, Pushkari I: а — an accumulation of bones in the center of the dwelling depression above the hearth lens; б — the lower level of disassembly of the accumulation of bones above the hearth; в — the upper level of disassembly of the carbonaceous spot above the hearth; г — the lower level of the hearth lens excavation; д — the hearth and the surrounding combustion zone (the array of dots indicates the area of the depression; right contour indicates indoor hearth and pits with carbonaceous filling); е — hearth and its combustion zone. Drawing and photo from the author's archive

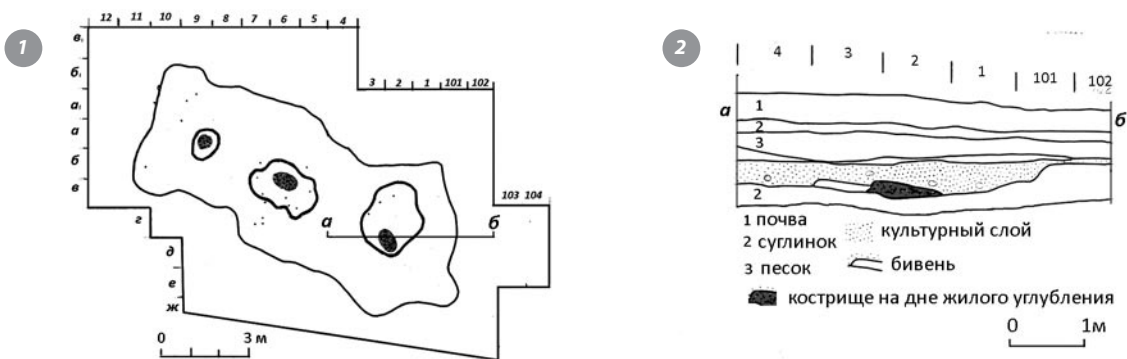

Рис. 7. Внутренний очаг в раскопе II стоянки Пушкари (по: [Борисковский 1953: 187]): 1 — контуры жилища и очагов; 2 — участок профиля по линии кв. г–д

Fig. 7. Indoor hearth in excavation II, Pushkari I (after: [Boriskovsky 1953: 187]): 1 — contours of the dwelling and hearths; 2 — a section of the profile along the line g–d

ставляла 30–40 см (рис. 6: а). Плотность лежащих друг на друге костей была такова, что расчистка их представляла значительную трудность. Основу композиции составляли перекрестья крупных фрагментов бивней, нижняя часть которых подстилалась темной углистой массой. Толщина этой углистой прослойки составляла 17–19 см, площадь ее под костями занимала $\frac{3}{4}$ м². Углистое пятно первоначально не имело каких-либо четких контуров (рис. 6: б). По мере расчистки площадь окрашенного пятна (60 × 75 см) понижалась. Она представляла собой темно-серую, тусклую зольную массу, содержащую мелкие фрагменты необожженной костной трухи (рис. 6: в). В центре ее при расчистке проявился контур овального очажного пятна, имевшего темную, яркую углистую окрашенность (рис. 6: г). Рельеф всего приочажного пространства оказался довольно сложным, пониженным относительно всех других участков дна жилой западины на 5–6 см (рис. 6: д). Зольная окрашенность, перекрывающая приочажное пространство, строго следовала прихотливым границам этого понижения.

Пятно очажной линзы размерами 30 × 33 см имело правильную округлую форму. Толщина заполнения — 3,8–4 см, глубина — 3 см, склоны — пологие, блюдцеобразные. Углистая масса не содержала заметных прослоек, костный уголь в мелких фракциях, хорошо обожжен.

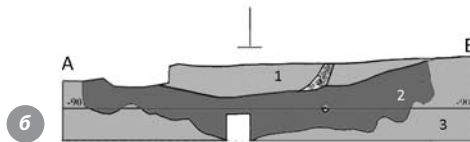
Кремень и мелкие обломки костей заполняют лишь верхний горизонт суглинка, в самой линзе их нет. На приочажной площадке находилось 8 ямок и одна дугообразная западина (рис. 6: е). Композиция очажного участка не создавала очевидной структуры, но имела несколько особенностей: во-первых, углубление всего очажного пространства; во-вторых, приочажные ямки небольших размеров, неглубокие, зольное заполнение которых сходно с очажным; в-третьих, расстояние от ямок до очажной линзы — от 4 до 34 см.

Представляется, что очажная зона в жилище имела две формы: небольшой чашеобразный очаг и намеренно углубленную зону горения — площадку с ямками и западинами. Процесс заполнения их углистой массой, вероятно, вторичен, он мог быть связан как с рабочими моментами, так и с размывом очага при разрушении жилища.

Внутренние очаги раскопа II создали известность длинному трехчастному жилищу уже в 1940 г., сразу после раскопок его П.И. Борисовским. Первоначально очаги представлены были как большие «кострища» [Борисковский 1939: 10], но затем, после завершающих раскопок 1939 г., исследователь выделил в них центральные «котлообразные» углубления и окружающие их широкие зольные западины расплывчатых

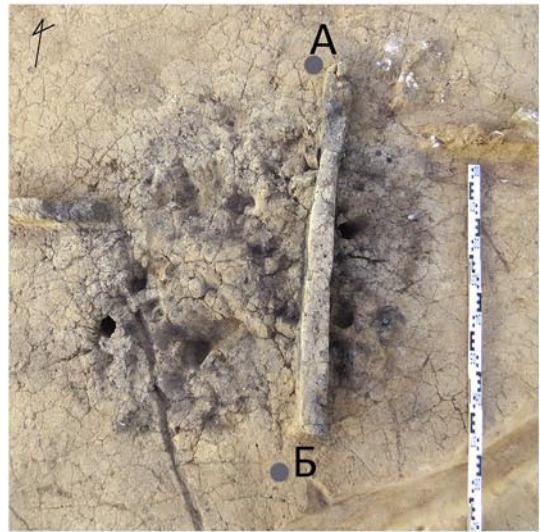

а

1 - супесь бурая
2 - углистое заполнение
3 - суглинок плотный, светло-бурый

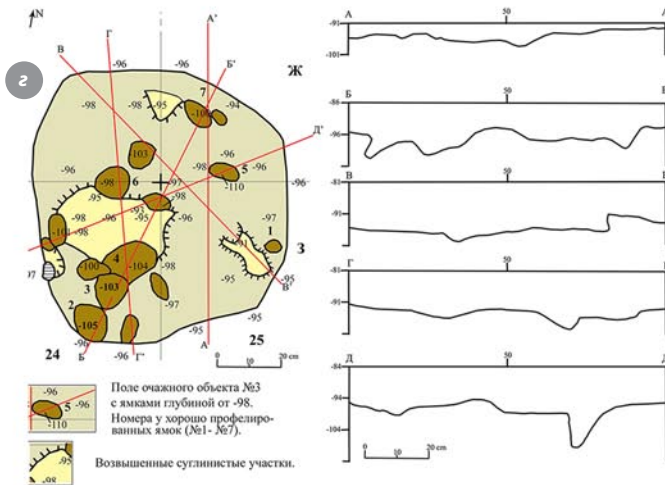
0 10 см

в

ж-25

з-25

г

д

Очаг 2, грунт, 2013

Очаг 3, грунт, 2015

Очаг 2, промывка, 2013

Очаг 3, промывка, 2015

Очаг 2, промывка меньше 0,3, 2013

Очаг 3, промывка меньше 0,3 мм, 2015

Рис. 8. Внутренний очаг № 3 в жилой западине раскопа VII стоянки Пушкари I при расчистке: а — жилища западина с очагом в центре; б — профиль углистого гомогенного заполнения очага (по чертежу А. Весельского); в — нижний уровень очага; г — чертеж очага с основными ямками и суглинистыми возвышениями (расчистка и чертеж П. Васильева); д — микрозаполнитель очагов № 2 и № 3. Фото автора

Fig. 8. Indoor hearth No. 3 found in a dwelling depression of excavation VII, Pushkari I: а — a dwelling depression with a hearth in the center; б — profile of the homogeneous carbonaceous filling of the hearth (according to A. Veselsky's drawing); в — the lower level of the hearth; г — drawing of the hearth with the main pits and loamy elevations (clearing and drawing by P. Vasiliev); д — micro-filler of hearth No. 2 and No. 3. Photo by author

очертаний [Борисковский 1940: 81]. И те и другие чаще всего назывались *кострищами* (рис. 7). Размер центральных линз очагов — 70–100 см в поперечнике, глубина — 10–20 см. Диаметр окружающего углубленные линзы углистого пространства составлял 100–250 см при толщине слоя на полу жилища 2–5 см. Описывая костное заполнение жилой западины, исследователь писал о темной углистой «подушке» под крупными костями, притом что они не имели следов обжига [Борисковский 1953: 200]. Заполнителем этого углистого пространства были мелкий костный уголь, зола, костная труха и кремь. Последние часто не несли следов обжига. Заполнение углубленной линзы — иное, более чистое, почти без фрагментов кости и кремня. Примененная П.И. Борисовским методика расчистки линз позволяла оценить их стратиграфию: вначале очаг вскрывался поперечной канавкой шириной 10 см, затем шла его разборка. Возможно, что заполнение было одинаковым по составу, просто углистым, но профили, к сожалению, не зачерчивались. Вокруг углубленных очагов обнаружилось свыше 30 ямок, заполненных углями, фрагментами кремня и кусочками охры. Часть ямок с костяными поделками была перекрыта зольным слоем (центральный очаг). Внутри углубленных углистых линз также присутствовали вертикально вкопанные фрагменты ребер и бивней.

Подробно описывая каждое «кострище», исследователь не дал им однозначной оценки. Это были и кострища, и очаги; широкие углистые пятна возникли в результате размыва заполнения, но горизонт пола жилой западины считался хорошо сохранившимся.

Внутренние очаги раскопа II и V имеют много общего: в обоих раскопах небольшая, четко контурная углистая линза очага окружена слегка углубленным пространством, имеющим более пестрое, но тоже углистое заполнение. Эту очажную площадку в малом жилище (раскоп V) мы называем зоной горения и рабочей зоной. Здесь важным моментом является не углистость, а небольшая углубленность, уплощенность пола. Окрашенность, небольшое углистое заполнение,

было вторичным признаком, связанным, скорее всего, с размыванием верха очага. Крупные кости, так или иначе положенные на очаг, задерживали углистую взвесь под ними и в очажной зоне. Этот процесс происходил в то время, когда жилище было оставлено людьми и частично разрушено. Вода проникала в углубление жилых западин, размывала верхнее заполнение очагов и долгое время не уходила из этого искусственного суглинистого водоупорного резервуара.

Внутренний очаг в раскопе VII исследован в последние годы в процессе расчистки жилой западины, в центре которой он находился (рис. 8). Жилая западина (жилище) округлой формы (3,6 × 4 м) была углублена в землю на 15–30 см, на уровне верха культурного слоя перекрыта крупными костями мамонта, которые лежали на темном очажном пятне. Среди костей преобладали фрагменты бивней, лопатки, трубчатые кости. Положение костей в слое соответствовало их положению над очагами в раскопе II. Разница была лишь в том, что углистая масса не подстилала кости на большой площади, а ограничивалась очажным пятном. Расчистка западины происходила одновременно с расчисткой верхнего горизонта очажного пятна, которое получило законченные четкие контуры на уровне пола жилища (рис. 8: в). Размеры очажного пятна составляли 85 × 80 см, глубина в центре — 4–5 см. Сама очажная лунка имела блюдцеобразный профиль, края ее углублены в пол только на 1–2 см. При разборке очажного заполнителя А. Весельским были замечены разные по цветности углистые пятна, соответствующие, вероятно, придонным углублениям. В углистом заполнителе выявлены не только кремни, но и стоящие вертикально небольшие фрагменты обожженных костей. Они, как правило, имели коричневый цвет, характерный для неполного обжига. Фрагменты необожженного кремня встречались на всех уровнях расчистки.

Дно очага было испещрено столь незначительными углублениями, что их оказалось трудно выразить в графике. Пришлось остановиться на 7 ямках, диаметр которых более 10 см, а глубина

на 4–5 см ниже дна очага (рис. 8: г). Судя по профильному контуру, очажные ямки имели склоны в одну из сторон и этим отличались от ямок в полу жилища. Важным элементом очажной конструкции являлись участки с повышенным, всхолмленным дном. В юго-восточной части очага такое возвышение имело форму спрямленного овала площадью 40 × 20 см. Те же скульптурные повышения дна мы наблюдали во внешнем очаге № 1. В процессе раскопок нам казалось странным, что формой, большими размерами и множеством ямок этот внутренний очаг № 3 чрезвычайно походил на все внешние очаги стоянки. Особенным выглядело его очажное заполнение, не имевшее обычной очажной структуры и горизонтальной стратиграфии, — не было горизонтов углисто-сти, зольности, сажистых включений, все заполняла одинаковая углистая масса (рис. 8: б). Такое заполнение неизвестно ни для внешних, ни для внутренних очагов стоянки.

Ведя полевые расчистки очагов раскопа VII, мы собирали весь грунт этих объектов (2013 и 2015 гг. работ). Из большого сравнительного материала очага № 2 (внешнего) и очага № 3 (внутреннего) отобрали через сито элементарные частицы размером 2 мм и менее для сравнительного анализа. При наблюдении нами была использована бинокулярная лупа с применением последовательных диафрагм. На двух снимках рисунка 8 в верхнем ряду — непромытый грунт (рис. 8: д). В обоих случаях видно преобладающее количество углистого костного материала, но очаг № 3 имеет значительно больше супесчаной и суглинистой составляющей, которая придает пеструю буроватую окрашенность грунту. В среднем ряду — тот же, но промытый материал. Используя проточную воду, мы вымывали из объема только глинистые частицы, оставляя мельчайший кварцевый песок. На обеих фотографиях нет буроватого глинистого материала, больше всего черного угля. Однако в промывке очага № 3 заметно увеличено число крупных окатанных зерен кварца. В нижнем ряду изображений находится самый тонкий и мелкий материал. Мы воспользовались системой сит и выделили

образцы с ячейками 0,3 мм. Этот материал составил темную суспензию, которая обычно вымывается в процессе промывки более крупных фракций. Наблюдая ее под бинокулярной лупой, мы увидели большую разницу в этом микрозаполнителе обоих очагов. В очаге № 2 продолжал преобладать уголь, присутствовали редкие кварцевые зерна. Общий цвет заполнителя оставался темным. В очаге № 3 преобладающим элементом заполнителя служил кварцевый песок при значительно более редких углистых элементах, его цвет был светлым, блестящим от множества кварцевых зерен. Размеры зерен составляли примерно 0,25 мм, то есть значительно больше кварцевых зерен алевритов (0,1 мм), материала, промежуточного между песком и глиной. Таким образом, в очаге № 3 отсутствовал лесс, который мог перекрыть разрушенный очаг впоследствии. Здесь, вероятно, преобладали супесчаные элементы суглинка, куда был углублен очаг.

Основываясь на разнице в стратиграфии обоих очагов раскопа VII и их заполнителя, мы можем предположить следующее:

1. Внутренний очаг в жилище не был «горящим» сооружением, он не имел зольных и углистых горизонтов, заполнение было однородным, в равной степени содержащим кремневый материал разной степени обжига.

2. Возле очага не было окружающей его зоны горения и расплывшегося по ней зольного пятна.

3. В жилище могли приносить горячие угли и ими обогреваться, подобно узбекскому или таджикскому сандалу / сандали [Писарчик 1982].

4. Множество мелких фрагментов вертикально стоящих костей и ямки на дне очажной линзы предполагают и ее хозяйственное использование.

5. Внешний очаг № 2, находящийся в 0,6–0,7 м от стены жилища, мог быть постоянным источником следующих порций углистого материала.

ВЫВОДЫ

Все 8 очагов стоянки Пушкари I относятся к разным участкам культурного слоя, близким друг

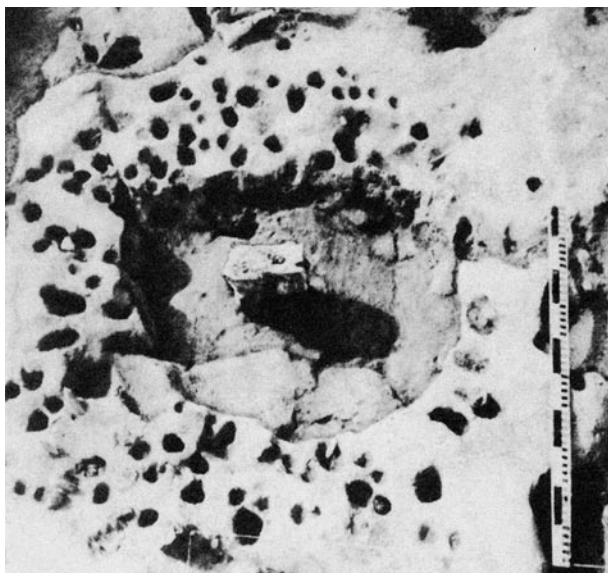

Рис. 9. Очаг на площадке верхнего слоя стоянки Костенки 1 (раскопки 1984 г.) [Lubin, Praslov 1987]

Fig. 9. A hearth found in the upper horizon of the Kostenki 1 Upper Paleolithic site (excavations 1984) [Lubin, Praslov 1987]

другу по расположению, геологическому возрасту и культуре. Сравнительный анализ очагов предполагал поиск способов их создания и использования. За основу исследования мы взяли простой признак расположения очагов на площадках трех поселений — вне жилищ и внутри их.

Все внешние очаги имели одинаково большие размеры, близкую к округлой форму и блюдцеобразный профиль. Очаги не были значительно размыты, их верх частично перекрыт фрагментами крупных необожженных костей мамонта. Важнейшей особенностью внешних очагов являлись многочисленные ямки или западины, испещрявшие все их основания. При внимательной расчистке можно было заметить контуры некоторых ямок уже в углистом заполнении очага (рис. 5: 6). Область горения внешних очагов не была специально сформирована и не имела углистого заполнения.

Предполагаемое сходство в использовании внешних очагов основано на общих признаках их формы и заполнения. В них на воткнутых в уголки костях могли жарить мясо, которое было готово

раньше, чем кость перегорала. Отсюда в очаге пятна бурого цвета и фрагменты вертикально стоящих косточек. Вертикально стоящие вертела не были, как видно, единственным очажным приспособлением. Значительная толща сажи в очаге № 1 и отчетливо бугристое дно (очаги № 1 и № 2) предполагают существование более сложных конструкций с элементами перекрытия.

Для внешних очагов мы почти не имеем территориально близкого сравнительного материала. Существовал большой очаг на поселенческой площадке в Костенках 1 [Lubin, Praslov 1987]. Он имел множество маленьких ямок по краям очажной впадины, то есть уже в зоне горения (рис. 9). Есть известная аналогия из этнографии хантов [Лукина 2005: 128]. Ханты-рыболовы в наше время часто жарили рыбу на тонких жердях, вставленных по краям очага (рис. 10).

Внутренние очаги длинного и овального жилищ (раскоп II и V) имели много общего, если не придавать значение тому, что описания П.И. Борисковского не всегда понятны, а в чертежах много лакун. Небольшие чашеобразные очаги обоих жилищ окружены пониженной на 2–5 см в полу площадкой зоны горения. Это «спланированное» углубление могло быть заполнено углисто-пепельной массой в процессе разрушения жилища. Множество ямок и западин вокруг углубленной лунки подтверждают существование рабочей поверхности. Предполагаемое П.И. Борисковским кострище в 100–200 см в поперечнике, с открытым огнем, слишком велико для закрытого помещения площадью 16–23 м². Большой для жилища очаг № 3 был заполнен ямками и западинами и первоначально полностью соответствовал форме внешних очагов, то есть «кухонных» объектов. Иным было только заполнение — углистое, но пестроватое, без четких горизонтов золы и угля. Анализ микрочастиц подтвердил предположение о смешанном характере заполнения, где большую роль играл супесчаный материал. Мнение об использовании очага как обогревательного и кухонного сооружения не противоречит ни его размерам, ни его заполнению. Можно предположить, что

Рис. 10. Способ приготовления рыбы у хантов
[Лукина 2005: 126]

Fig. 10. Method of cooking fish used by Khants
[Lukina 2005: 126]

подобный способ обогрева использовался в теплое время, когда не было необходимости в открытом очаге. Примеры подобного обогрева домов короткой зимой известны в Средней Азии, в Узбекистане [Писарчик 1982].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На поселениях пушкаревской стоянки существовали три группы очагов, различных по раз-

мерам, форме и организации приочажного пространства. Большие очаги на открытых площадках имели множество ям, следов от вертикально вкопанных костей. Это были хозяйственные объекты с разной степенью выраженности рабочих участков. Конструкция очагов могла быть усложнена элементами, перекрывающими пламя, возможно, большими костями. Малые очаги внутри жилищ имели хорошо организованную, слегка углубленную в пол приочажную площадку. Именно она принимала на себя хозяйственные функции обогревающего жилище горящего очага.

Очаг в жилище раскопа VII был особенным сооружением, совмещавшим в себе структуру внешнего очага и отличный от него наполнитель. Уголь мог быть принесен из ближайших очагов и обогревал жилище. Очаг не имел выделенной зоны горения и рабочей зоны, но, судя по большому числу ямок, сооружение несло и кухонные функции. Возможно, мы имеем дело не только с новым очажным сооружением, но и с особым жилищем, в котором оно находилось. Основанием для этого утверждения служит отсутствие остатков каких-либо опорных сооружений на дне жилой западины и за ее границами.

Очаги были одними из существенных элементов поселенческих структур, являясь центром жилых сооружений и основой рабочих и хозяйственных площадок. Оценка очажного объекта не может закончиться просто его констатацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисковский 1938. Борисковский П.И. Дневник раскопок Пушкарей I. План стоянки. Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 109, 110.

Беляева 1997. Беляева В.И. Исследование нового участка поселения на палеолитической стоянке Пушкарей I // Пушкаревский сборник: по материалам исследований палеолитической стоянки Пушкарей I. Вып. I. — СПб.: Образование-Культура, 1997. — С. 5–18.

Беляева 2002. Беляева В.И. Палеолитическая стоянка Пушкарей I (Характеристика культурного слоя). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. — 156 с.

Борисковский 1939. Борисковский П.И. Палеолитическая стоянка Пушкарей I // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. II. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. — С. 10–12.

Борисковский 1940. Борисковский П.И. Пушкаревское палеолитическое жилище // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып VII. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 81–86.

Борисковский 1953. Борисковский П.И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 464 с. (МИА. № 40).

- Величко 1961. Величко А.А. Геологический возраст верхнего палеолита Центральных районов Русской равнины. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 296 с.
- Величко и др. 1997. Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Стратиграфическое положение стоянок Пушкаревской группы // Пушкаревский сборник: по материалам исследований палеолитической стоянки Пушкари I. Вып. I. — СПб.: Образование-Культура, 1997. — С. 19–30.
- Лукина 1985. Лукина Н.В. Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск. Наука, 1985. — С. 130–133.
- Лукина 2005. Лукина Н.В. Ханты. Материальная культура. Пища // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энты. Нганасаны. Кеты. — М.: Наука, 2005. — С. 125–132. (Народы и культура).
- Писарчик 1982. Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Наука, 1982. — С. 69–110.
- Рудинский 1947. Рудинский М.Я. Пушкари // СА. — 1947. — Т. IX. — С. 171–198.
- Lubin, Praslov 1987. Lubin V.P., Praslov N.D. Le Paleolithique en URSS: decouvertes recentes. — Leningrad: Nauka, 1987. — 10 с. (Буклет).

REFERENCES

- Beljaeva, V.I., Issledovanie novogo uchastka poselenija na paleoliticheskoj stojanke Pushkari I [Exploration of a New Settlement at the Paleolithic Site of Pushkari I], in: *Pushkarevskii sbornik: po materialam issledovaniia paleoliticheskoi stoiianki Pushkari I, vol. 1*, St. Petersburg: Obrazovanie-Kultura Publ., 1997, pp. 5–18, (in Russian).
- Beljaeva, V.I., *Paleoliticheskaja stojanka Pushkari I* [Paleolithic Site Pushkari I], St. Petersburg: SPbGU Publ., 2002, 156 p., (in Russian).
- Boriskovskii, P.I., *Paleoliticheskaja stojanka Pushkari I* [Paleolithic Site Pushkari I], *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1939, vol. 2, pp. 10–12, (in Russian).
- Boriskovskii, P.I., *Pushkarevskoe paleoliticheskoe zhilische* [Paleolithic Dwelling of Pushkari], *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 1940, vol. 7, pp. 81–86, (in Russian).
- Boriskovskii, P.I., *Paleolit Ukrainy. Istoriko-arkheologicheskie ocherki* [The Palaeolithic of Ukraine. Historical and Archaeological Essays] (*Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, no. 40*), Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1953, 464 p., (in Russian).
- Lubin, V.P., Praslov, N.D., *Le Paleolithique en URSS: decouvertes recentes*, Leningrad: Nauka Publ., 1987, 10 p.
- Lukina, N.V., *Tradicii prigotovlenija pischi u vostochnykh hantov* [Cooking Traditions of the Eastern Khanty], in: *Uralo-Altaiistika. Arheologija. Etnografija. Jazyk.*, Novosibirsk: Nauka Publ., 1985, pp. 130–133, (in Russian).
- Lukina, N.V., *Khanty. Material'naia kul'tura. Pishcha* [Khanty. Material Culture. Food], in: *Narody Zapadnoj Sibiri: Khanty. Mansi. Selkupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety. (Narody i kultura)*, Moscow: Nauka Publ., 2005, pp. 125–132, (in Russian).
- Pisarchik, A.K., *Tradicionnye sposoby otopenija zhilisch osedlogo naselenija Srednej Azii v XIX–XX vv.* [Traditional Methods of Heating the Dwellings of the Sedentary Population of Central Asia in the 19th and 20th Centuries], in: *Zhilischa narodov Srednej Azii i Kazahstana*, Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 69–110, (in Russian).
- Rudinskii, M.Ja., *Pushkari* [Pushkari], *Sovetskaia arkheologija*, 1947, vol. 9, pp. 171–198, (in Russian).
- Velichko, A.A., *Geologicheskii vozrast verkhnego paleolita tsentral'nykh raionov Russkoi ravniny* [The Geological Age of the Upper Paleolithic of the Central Regions of the Russian Plain], Moscow: AN SSSR Publ., 1961, 296 p., (in Russian).
- Velichko, A.A., Gribchenko, Iu.N., Kurenkova, E.I., *Stratigraficheskoe polozhenie stoiianok Pushkarevskoi gruppy* [Stratigraphic Position of the Sites of the Pushkarevskaya Group], in: *Pushkarevskii sbornik: po materialam issledovaniia paleoliticheskoi stoiianki Pushkari I, vol. 1*, St. Petersburg: Obrazovanie-Kultura Publ., 1997, pp. 19–30, (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 30.03.2021

Рекомендована в печать: 08.04.2021

Опубликована: 25.06.2021

Submitted: 30.03.2021

Accepted: 08.04.2021

Article is published: 25.06.2021